

NEWS

OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN
SERIES OF SOCIAL AND HUMAN SCIENCES

ISSN 2224-5294

Volume 1, Number 299 (2015), 147 – 154

WORLDWIDE SOUTH ASIAN DIASPORA: EMERGENCE, CLASSIFICATION, SIGNIFICANCE

Ye.I. Rudenko

MES RK CS R. B. Suleimenov Institute of Oriental Studies, Almaty, Kazakhstan

Keywords: South Asia, external migrations, worldwide Diaspora, Overseas Indians classification.

Abstract. The article discusses the phenomenon of global migrations and formation of worldwide South Asian Diaspora. During various historical periods, directions, numbers and nature of activities of these migrations' participants were different as well; this had its explanation in both objective conditions and subjective goals of migratory movements. Due to their multiplicity, as well as varying periods, goals and other features of residence outside their historical homeland, the Indian migrants are divided into a number of categories. In general, the representatives of global South Asian Diaspora are considered a crucial component of both native and receiving states and societies.

УДК 314.743:325.252(54+100)

ГЛОБАЛЬНАЯ ЮЖНОАЗИАТСКАЯ ДИАСПОРА: ФОРМИРОВАНИЕ, КЛАССИФИКАЦИЯ, ЗНАЧЕНИЕ

Е. И. Руденко

Институт востоковедения им. Р. Б. Сулейменова КН МОН РК, Алматы, Казахстан

Ключевые слова: Южная Азия, внешние миграции, глобальная диаспора, классификация «зарубежных индийцев».

Аннотация. Феномен глобальных миграций и формирования всемирной южноазиатской диаспоры заслуживает особого внимания. В различные исторические периоды направления, численность и характер деятельности участников данных миграций были различными в зависимости от объективных условий и субъективных целей миграционных перемещений. В силу своей многочисленности, а также различных сроков, целей и иных особенностей проживания за пределами исторической родины индийские мигранты подразделяются на ряд категорий. В целом, представители глобальной южноазиатской диаспоры рассматриваются как критически важная составляющая как родных, так и принявших их государств и обществ.

В мировой истории миграций фактор межконтинентального миграционного перемещения представителей Южноазиатского региона и образования ими глобальной диаспоры занимает особое место в силу своей масштабности, продолжительности, многоаспектности и комплексности результатов, а потому этот постоянно обновляющийся феномен привлекает к себе повышенное внимание исследователей.

По словам индийского исследователя М. Хуссейна, «явления глобализации и диаспоры взаимосвязаны, поскольку глобализация как процесс активизировала миграционные перемещения и диаспоральные связи. Понятие “диаспора” подразумевает расселение людей в пространстве, а также транснациональные связи между людьми и географическими объектами. Диаспора имеет отношение к истории более чем одного народа, к более чем одному месту или периоду времени, к более чем одному прошлому и одному будущему. “Пространство диаспоры” включает в себя

перемещения, пересечения и взаимодействия в рамках экономических, политических, культурных и психологических процессов» [1, с. 309]. Все это имеет непосредственное отношение к южноазиатской диаспоре.

Следует, прежде всего, разграничивать элементы данной диаспоры на основе периодизации и связанных с ней причин и последствий ее формирования, а также многоуровневой классификации ее представителей.

Так, начиная с последнего тысячелетия до н.э., представители Южной Азии (которых в данном контексте целесообразно объединять под общим широким этнонимом индийцев) в рамках поиска новых сухопутных и мореходных маршрутов и исследования новых территорий, ведения торговых операций, а также миссионерской деятельности начали активно проникать в различные уголки Азии и Средиземноморской Европы. Помимо северного и северо-восточного направлений (Центральная Азия / Восточный Туркестан и далее государства Северо-Восточной Азии), индийцы активно мигрировали на запад – вдоль всей ветви Великого Шелкового Пути, следовавшей в данном направлении. Одним из важнейших, а, возможно, и основным в многоцелевых морских миграциях индийцев являлось именно юго-восточное направление. Историческая и географическая ориентация юга и востока Индостана с глубокой древности обусловила морские и сухопутные связи с Юго-Восточной Азией, в результате чего связи с Индией оказали огромное влияние на облик культуры и общественных институтов древних государств континентальной и островной частей данного региона, определив восприятие черт и заимствование опыта древнеиндийской цивилизации.

Независимо от конкретных причин подобных миграций – торговых, миссионерских и т.п. – индийцы, как и многие мигранты-представители иных народов, в значительных количествах на долговременной либо постоянной основе оседали на новых территориях, формируя собственные колонии с соответствующей гражданской и храмовой инфраструктурой. Это вело к складыванию больших или меньших по численности и влиянию южноазиатских диаспор, которые нередко являлись проводниками политики своей исторической родины, и через посредство которых практически всегда происходило социально-культурное (религиозное, этнолингвистическое и пр.) взаимодействие с иными странами и народами, вплоть до их так называемой индианизации. В результате многие реалии духовной жизни индийцев, включая литературный язык, системы письма, эпические сюжеты и литературу, доктрины буддизма и индуизма, всевозможную религиозно-философскую литературу и мифологические сюжеты, элементы культа и культовую иконографию, храмовое строительство, элементы законодательства, эстетику и прочее, закономерно вошли в культурно-цивилизационную канву стран Юго-Восточной Азии, находившихся в сфере индийского влияния. Примечательно, что одним из путей распространения индийского культурного влияния были также смешанные браки, в том числе на высшем уровне, поскольку яванские и малайские правители придавали большое значение возведению своей генеалогии к индийским эпическим и историческим персонажам. Вследствие этого восприятие норм и элементов южноазиатской идеологии стало одним из важнейших культурно-этнических факторов в регионе Южной Азии, а внутренние миграции способствовали их дальнейшему распространению.

В период средневековья подобные миграции продолжались отчасти по причине смещения традиционной индийской торговли с севера на юг под давлением мусульманских вторжений, но в большей степени в силу роста обособленности южноиндийских государств, сосредотачивавших свое внимание, опять же, на морской торговле в юго-восточном и западном направлениях. Помимо этого, сюда добавились и миграционные перемещения из Южной в Юго-Восточную Азию по причине завоевательных походов (к примеру, нашествие Чолов на Шривиджая). Со временем мигранты-мусульмане, основавшие свои государства в Индии, также включились в аналогичные торгово-экономические и миссионерские перемещения. С ростом в отдельных частях Юго-Восточной Азии торгово-ремесленного населения и местной городской элиты, связанной с внешне-торговыми доходами и с притоком мигрантов, создавалась социальная среда, в значительной степени оторванная от старой традиционной культуры и более восприимчивая к проповеди принципов ислама, которая усиливалась вместе с расширением числа приезжих мусульманских купцов и законоучителей, особенно из Индии.

Что касается западного и северо-западного направлений миграций, то, согласно расхожему мнению, участниками наиболее значительного исторического «исхода» и дальнейшего практически повсеместного расселения из Индии явились цыгане, и произошло это не ранее XI в. н.э. [2]. Однако прежде – во второй половине I тыс. н.э. – особое значение имели аналогичные миграции этно-экономических групп раджпутов и джатов. До этого еще более обширные миграции торговцев, паломников и ученых из Южной Азии на Средний и Ближний Восток, в Северную и Восточную Африку и до непосредственного ядра Римской Империи имели место до новой эры и на рубеже эр, в частности, по многочисленным магистралям Шелкового пути.

В результате данных процессов в одних регионах (Ближний Восток) складывались небольшие миграционные группы представителей Южной Азии, вовлеченные в основном в торговлю, в то время как в других регионах (государства Юго-Восточной Азии, Восточный Туркестан) возникали весьма крупные индийские диаспоры, обладавшие существенным разносторонним влиянием. В отдельных странах Юго-Восточной Азии (Сингапур, Малайзия, Филиппины и др.) данные диаспоры впоследствии составили один из существенных этнических компонентов местных социумов. Все это в итоге привело к феномену, получившему название «Большая, или Расширенная Индия» («Greater India»).

Однако наиболее важный этап формирования южноазиатской диаспоры в ее современном виде большинство исследователей относит к новому и новейшему времени, начиная с периода установления на субконтиненте британского владычества. Поскольку в тот период практически каждый представитель Южной Азии являлся подданным Британской Империи, их свободное расселение в любое время и в любом числе на всех остальных территориях, подвластных данной империи, не встречало особых препятствий. В середине XIX в. большое число индийцев было в силу субъективных и/или объективных причин принуждено или поощрено мигрировать в различные части империи в основном в качестве рабочей силы. Действительно, если в предыдущие эпохи в миграционные процессы из Южной Азии были вовлечены торговцы, миссионеры и люди науки и искусств, то в данный период происходила миграция рабочей силы на производственные объекты, плантации и целинные земли. За такими мигрантами вскоре добровольно последовали все те же торговцы, представители иных категорий предпринимателей, так называемые авантюрные «искатели счастья на чужбине», а также незначительный слой интеллигенции (юристы, учителя, врачи) для обслуживания их социальных потребностей. Впоследствии индийские торговцы и «белые воротнички» расселились также на территориях французских и голландских колоний.

В качестве последней, продолжающейся ныне фазы формирования глобальной южноазиатской диаспоры можно указать на весьма масштабные миграции представителей региона с самыми различными уровнями образования и квалификации в нефтедобывающие страны, в основном Ближнего Востока, и в промышленно развитые государства Запада, в основном Великобританию и США. С 1950-х годов в потоке индийской иммиграции на смену неквалифицированной рабочей силе пришли специалисты. При этом миграция проходила преимущественно в развитые страны – Великобританию, Канаду и США; миграция же индийцев в страны Персидского залива к началу XXI века достигла трех миллионов человек. Более того, в определенные периоды на развитые страны приходились и волны ре-миграций индийцев и иных представителей Южной Азии с территорий бывшего проживания их диаспор, в особенности связанные с апартеидом и иными проявлениями этно-расовой нетерпимости на данных территориях, в частности, в ряде государств Африки и Латинской Америки. В этой связи нельзя не отметить важность положения индийской диаспоры в США (где она стала третьей крупнейшей «азиатской» группой населения), о чем свидетельствует интерес к ней не только на общественно-экономическом, но и на административно-политическом уровне. Как известно, законодательные и исполнительные органы США регулярно ставят на повестку дня критически важный и потому весьма дискуссионный вопрос об общем и частном (с точки зрения предполагаемой профессиональной занятости) квотировании, условиях, регламентации, регулировании, льготировании и т.п. прибытия и пребывания представителей южноазиатской миграции в эту страну. Более того, поскольку индийская диаспора с ее глубокими многоконфессиональными и полиэтническими традициями оказалась в условиях такой же многоконфессиональной и полиэтнической американской действительности, именно США стали одним из направлений активных миграций не только работников различных профессий и уровней

квалификации, но также и духовных проповедников индийских культурно-религиозных ценностей. В то же время обращение индийских иммигрантов к своим корням выглядит вполне естественным и логичным и в условиях сегодняшней Америки не вызывает недоумения; в ситуации многоконфессионального американского общества стремление сохранить индусскую идентичность не означает противопоставления другим религиям. Одна из особенностей культурно-религиозной деятельности индусских храмов и расположенных рядом с ними индийских культурных центров – проведение мероприятий с участием представителей разных вероисповеданий. В целом, данный фактор является и существенным аспектом в американо-индийских политико-экономических отношениях, рассматриваясь с одной стороны как уступка, а с другой – как потребность США соответственно для и от Индии.

Как на официальном, так и на устоявшемся неофициальном уровнях все представители современной индийской эмиграции, диаспоры и ирриденды объединяются термином «зарубежные индийцы» («Overseas Indians») или «индийцы-экспатрианты» («Expatriate Indians»). И хотя существует мнение о том, что само данное явление является побочным продуктом британского империализма, однако в настоящее время оно рассматривается как более комплексное и в то же время более конкретное по сравнению со всеми предыдущими периодами. В рамках данной более чем 25 миллионной мега-группы выделяется ряд категорий для детальной характеристики тех или иных ее представителей на основе исходных причин, целей, продолжительности и иных особенностей их пребывания за пределами страны.

Первая категория объединяет индийцев-нерезидентов, или индийцев, не являющихся постоянными жителями, а, следовательно, и гражданами страны своего нахождения («Non-Resident Indians») по классификации индийского Закона о валютном регулировании 1973 года. Как правило, это граждане самой Индии, проживающие за рубежом в течение любого периода времени, превышающего шесть месяцев, и с любой целью, включая образование, занятость (работа в том или ином секторе экономики, в международной организации, назначение со стороны государства) и т.п. Данная категория индийцев сформировалась и была официально закреплена относительно недавно, в середине XX века, и представляет собой своего рода «полностью добровольную реакцию на потребность в трудовых ресурсах для более быстрого развития, изначально в послевоенной Европе, а затем в богатых нефтяных странах Западной Азии. В последние годы она обрела черты “исхода” технически и профессионально квалифицированного персонала в поисках нового Эльдorado, в основном в “умудренных” государствах Первого Мира» [3, с. 366]. Безусловно, часть таких индийцев через определенный промежуток времени добровольно или вынужденно возвращается на родину, однако многие (в особенности получившие иностранное образование или/и занятые в том или ином секторе экономики) натурализуются в принявших их обществах и, приняв иностранное гражданство, более не являются держателями индийских паспортов. Строго говоря, термин «нерезидент» имеет отношение только к юридическому статусу лица как налогоплательщика, который, согласно индийскому Закону о подоходном налоге 1961 года, не проживая в Индии в течение определенного периода времени не вел деятельности, фактичность или результаты которой облагаются налогами на основе данного Закона; более конкретно такое лицо именуется «не такой как обычно резидент» («not ordinarily resident») Индии [4]. Закон предусматривает, что к данной категории относится любой гражданин Индии, проживавший в пределах ее территории менее 728 дней из последних непрерывных 1460 дней и, следовательно, подлежащий налогообложению по иным ставкам.

Ко второй категории относятся так называемые «лица индийского происхождения» («Persons of Indian Origin»), изначально являющиеся гражданами иных государств. Это те, кто либо непосредственно родился в Индии и затем сменил гражданство, либо (что, по мнению некоторых исследователей, имеет место чаще) чьи предки родились в Индии или внутри индийской диаспоры за рубежом. Согласно официальной трактовке индийского правительства, «лицом индийского происхождения» является любой индивид, имеющий такое происхождение вплоть до четвертого поколения своих предков, за исключением тех, кто когда-либо являлся гражданином Пакистана, Бангладеш, Непала, Бутана, Шри-Ланки и Афганистана; периодически сюда добавляется Иран. Граждане этих государств в силу политико-исторических причин рассматриваются как «более индийские индийцы» и во же время как «более чужие индийцы», и подпадают под иной вариант

классификации. Все «лица индийского происхождения» имеют соответствующий документ, выдаваемый уполномоченными органами после верификации индийского происхождения самого лица либо его предков и дающий право на безвизовый въезд в Индию, облегченное получение разрешения на работу и иные льготы и послабления. Аналогичный документ может быть выдан также супруге/супругу данного лица, даже если она/он ранее не имели отношения к Индии, но и не являлись гражданами упомянутых выше государств.

Представители данной категории составляют наибольший процент в рамках мега-группы «зарубежных индийцев». По заключению Дж.Р. Хиремата, «число им – легион. Их можно встретить более чем в ста странах на всех континентах. Наибольшая концентрация таких лиц наблюдается на Фиджи, в Малайзии, Бирме (Мьянме) и Шри-Ланке, на Маврикии, в Восточной и Центральной Африке и Вест-Индии. Несколько миллионов лиц индийского происхождения проживают в Непале. Однако положение последних может быть охарактеризовано как “своеобразное”, поскольку их пребывание в Непале в подавляющем большинстве случаев связано с открытой индийско-непальской границей, что позволяет гражданам обоих государств свободно перемещаться и проживать на территориях друг друга. Для преобладающего большинства лиц индийского происхождения, разумеется, за исключением тех, что проживают непосредственно в соседних странах, Индия является не более чем географическим термином. Постепенно обретая определенный достаток тяжелым и упорным трудом и бережливостью, пусть и навлекая на себя враждебность со стороны местного населения или иных мигрантов, или являясь жертвами расовой дискриминации и угнетения со стороны белых колонизаторов, эти лица индийского происхождения были вынуждены держаться вместе и сохранять все, что они были способны сохранить от их постепенно забываемых индийских образа жизни, религий и культуры» [3, с. 366].

Третья, не всегда упоминаемая и учитываемая, но все же официально зафиксированная категория «зарубежных индийцев» включает в себя «лиц индийского происхождения, не имеющих гражданства» («Stateless Persons of Indian Origin»). Данные лица не имеют документов для юридического подтверждения их индийского происхождения – непосредственного либо через предков, но также не имеют права на получение гражданства иных государств (что особенно характерно в случае с Мьянмой, Шри-Ланкой и рядом стран Восточной Африки). Причем сюда относятся не только цыгане и подобные им этнические группы и подгруппы, но и те, кто оказался таковыми в силу тех или иных объективных причин – например, мигрировав из Индии со старшими родственниками, будучи упомянутым в их документах, которые впоследствии оказались утрачены. Хотя они и рассматриваются с сожалением как «международные изгои», однако, как отмечают исследователи, поскольку их появление было в значительной степени связано с проявлениями узкого национализма в период деколонизации, эта категория становится все меньшей по численности и вскоре должна исчезнуть совсем, так как их потомки уже будут автоматически иметь гражданство страны своего рождения.

Некоторые исследователи предлагают выделять в четвертую группу «зарубежных индийцев», даже потомков тех упомянутых выше торговцев и миссионеров, которые в древности и в средние века расселились на территориях от Японии до Шри-Ланки и Ирана, принеся сюда индуистскую и буддийскую духовную и материальную культуру. Однако, по мнению других авторов, на протяжении многих веков данные лица уже давно интегрировали себя в принявшую их среду и более не могут рассматриваться ни как собственно индийцы, ни даже как лица индийского происхождения, поскольку процент «индийского» в них уже крайне мал. В то же время не следует забывать о том, что существует практика морального отождествления себя этими лицами с носителями южноазиатских культурно-цивилизационных ценностей аналогично тому как, в частности, в Северной Индии и Пакистане некоторые индивиды и группы возводят свои родословные к центральноазиатским и персо-арабским мусульманским предкам.

В силу своей многочисленности, а также причин, условий и иных особенностей складывания и существования, явление глобальной южноазиатской (прежде всего, индийской) диаспоры представляет огромное значение как для своей исторической родины, так и в масштабах всего мира.

В контексте объективного положения южноазиатской диаспоры относительно населения всего региона можно утверждать, что представители данной диаспоры, по мнению многих исследователей, могут рассматриваться как социальная страта, уровень развития человеческого капитала в

которой в целом превышает аналогичный уровень на исторической родине. С экономической точки зрения диаспоры (здесь следует отметить, в первую очередь, таковые небольших государств Южной Азии) являются прямыми и косвенными источниками капиталов, в том числе валютных инвестиций (тем более что среднегодовой доход всех индийцев диаспоры составляет примерно одну треть от ВВП Индии), а также знаний на уровне последних достижений глобального научно-технологического прогресса. В политическом аспекте южноазиатские диаспоры являются стратегически важными проводниками всего комплекса культурной дипломатии, а нередко и активными акторами «неофициальных» политических лобби, с чьим присутствием невозможно не считаться в принимающих странах; индийские общины во многих странах достаточно успешно лоббируют свои интересы, а в более широком плане – интересы Индии как в локальных, так и в национальных масштабах. Индийская диаспора – более 20 миллионов человек в разных странах и на всех континентах мира – является крупным партнером самой Индии в ее модернизации и глобализации, представляет собой важный фактор в развитии отношений Индии со странами ее проживания. Каждый год зарубежные индийцы переводят миллиарды долларов на свою историческую родину, участвуют в совместных с Индией предприятиях, финансируют многие торгово-экономические проекты в этой стране; они обладают большим потенциалом для сотрудничества с Индией, в том числе в ее становлении в качестве «сверхдержавы знаний». Вклад зарубежных индийцев в быстро растущую экономику Индии составит существенную часть всех инвестиций, в частности, потому, что лица индийского происхождения имеют глубокие контакты с этой страной, хорошо знают ее культуру, особенности экономических и финансовых структур. Кроме того, диаспора выступает одним из инструментов распространения достоверной информации об Индии среди общественности стран ее пребывания. К примеру, П. Шурмер-Смит, ссылаясь на слова самих индийцев о так называемых «финанс-пространствах», «технопространствах», «медиапространствах» и «идея-пространствах», подчеркивает, что «индийская диаспора обеспечивает приток на родину денег (в том числе через систему “хавала”), последних технологических достижений и навыков работы с ними, а также способствует распространению информации об Индии в масштабах всего мира, что определяет тенденцию, наряду с вестернизацией и американизацией, глобальной индианизацией» [5, с. 177]. Более того, по мнению Дж. Гхоша, «одним из важных социальных изменений, которое оказало влияние на макроэкономическую стратегию страны в целом, явилась возрастающая глобализация индийского общества. Феномен индийцев-нерезидентов, в связи с которым относительно большое количество людей из индийской элиты и среднего класса стали жить за рубежом, в немалой степени повлиял на потребительские нужды, что содействовало либерализации импорта и иным формам открытия экономики. Значимость индийцев-нерезидентов с политической и экономической точек зрения проистекает не только из реальной возможности рассматривать их в качестве источника притока капиталов, но и из их тесной связи с (а нередко и неотделимости от) политически доминирующих групп внутри как родного, так и принявшего их обществ» [6, с. 179-180].

В целом, индийское правительство уделяет огромное внимание зарубежным соотечественникам, в частности, создает для них благоприятный торговый и инвестиционный климат в Индии. В 2004 г. в Индии было создано Министерство по делам зарубежных индийцев, целью которого является «прогресс через объединение в мире без границ, соединение индийской диаспоры с ее родиной..., содействие развитию торговли и инвестиционной деятельности, эмиграции, образования, культуры, науки и технологий» [7]. В июле 2013 г. аналогичная структура – Министерство зарубежных пакистанцев и развития человеческих ресурсов – была создана и в Исламской Республике Пакистан.

Под эгидой Министерства по делам зарубежных индийцев рассматривается возможность создания специальных экономических зон, предназначенных для индийских мигрантов – предпринимателей или/и инвесторов, а также системы «одного окна» по оказанию им консультативных услуг в данной области. Большое внимание уделяется связям с зарубежными индийцами в сфере образования. Предпринимаются меры по привлечению ученых и преподавателей из числа индийских мигрантов на работу в учебные заведения и научные центры Индии, а также разрабатываются планы по приглашению на учебу в страну молодежи индийского происхождения. Одним из направлений в работе с иностранцами индийского происхождения стало использование средств массовой информации, контролируемых индийскими мигрантами, для объективного (а нередко и

ориентированного на национальную выгоду) информирования общественности зарубежных стран об индийской культуре, достижениях и проблемах Индии. Проводится работа по созданию в Индии Дома индийских мигрантов с библиотекой, постоянной выставкой о жизни зарубежных индийцев, их успехах и трудностях. Кроме того, поднимается вопрос о введении двойного гражданства для зарубежных индийцев [8].

С 9 января 2003 года в Индии празднуется Праваси Бхаратия Дивас (День индийской диаспоры, или «эмигрировавших индийцев»), символизирующий вклад диаспоры в развитие родины; он приурочен возвращению Махатмы Ганди в Индию из ЮАР в 1915 году. На национальном, региональном и международном уровнях празднуются или, во всяком случае, тем или иным образом отмечаются иные важные для индийской диаспоры моменты ее историко-географического развития. Поднимается вопрос о целесообразности учреждения наград для зарубежных индийцев, признание заслуг выдающихся представителей диаспоры, в том числе путем наименования в их честь улиц, школ, библиотек и т.д. Практически ежегодно в стране проводится международная конференция Всемирной организации выходцев из Индии.

С учетом основных направлений индийских миграций служба Indiadiplomacy при Отделе индийской общественной дипломатии Министерства иностранных дел Индии сняла серию научно-популярных фильмов, размещенных в Интернете в свободном доступе. Данная серия ориентирована как на ознакомление самих жителей Индии с положением их соотечественников-представителей индийской диаспоры в иных регионах мира, так и на общую популяризацию роли индийской миграции и диаспоры в целом. Фильмы вышли под единым названием «Наведение мостов между мирами: история индийцев по всему свету (Bridging Worlds: The Story of Indians across the Seven Seas)» по следующим тематикам: «Пути к корням» (общая информация об индийской диаспоре); «Украшая радугу» (Южная Африка); «Каллалу – плавильный котел» (Тринидад и Тобаго); «От плантаций до правительства – приключения индийцев на Маврикии»; «Дом – там, где сердце» (Канада); «От лавочников до лордов» и «Встреча умов» (Великобритания); «Место под солнцем» (США); «Плавильный котел – история индийской диаспоры в Сингапуре и Малайзии»; «Индийцы-нерезиденты в странах Персидского Залива – несколько историй успеха» и «Тысяча и одна ночь – индийские мечты под арабским небом»; «Один народ, состоящий из многих» (государства Латинской Америки); «Знай Индию, знай себя» (связи диаспоры с родиной) [9]. Эти информативные фильмы построены на основе наглядного повествования о тех или иных аспектах формирования и существования индийских диаспор, а также интервью с их представителями.

Примечательно, что если ранее происходил отъезд профессиональных индийских специалистов в развитые страны в рамках общей, одновременно негативно и позитивно воспринимаемой в Индии, практики «утечки умов», то в настоящее время наблюдается «обратный отток умов» из этих стран. Помимо прочих причин, это связано с превращением Индии в лидера мирового аутсорсинга, причем вовлечение индийцев в данный процесс с предоставлением им соответствующих заказов опять же можно объяснить тем, что большую роль играет влияние индийской диаспоры в странах Запада, которая поддерживает тесные связи со своей родиной. Немаловажное значение в данной связи имеет и хорошо продуманная государственная политика Индии, направленная на обратное, полное либо частичное, привлечение в страну представителей индийской диаспоры, способных принести пользу исторической родине.

Таким образом, несмотря на несопоставимость в абсолютных цифрах, ареале расселения и т.п. численности южноиндийской и казахстанской глобальных диаспор, опыт, в частности, Индии в работе с собственной диаспорой может представлять интерес для Казахстана в его взаимодействии с зарубежными казахами. В условиях Казахстана такие мигранты, особенно имеющие высокий уровень образования и профессиональной подготовки, могли бы служить важным источником пополнения населения страны и укрепления ее социально-экономического потенциала. В этой связи было бы целесообразно проанализировать круг вопросов, связанных с нынешней и потенциальной ролью казахской диаспоры и ирреденты в социально-экономическом и научно-технологическом развитии Республики Казахстан.

REFERENCES

- [1] Hussain M. Globalization and Socio-Cultural Linkages: A Case Study of Indian Diaspora with Special Focus on Central Asia. Perspectives on Bilateral and Regional Cooperation: South and Central Asia, Ed. by R. Malhotra, S. Singh Gill, N. Gaur. Chandigarh: CRRID, 2013.
- [2] The History and Origin of the Roma, <http://romove.radio.cz/en/article/18158>.
- [3] Hiremath J.R. India and the Overseas Indians, Indian Foreign Policy: Agenda for the 21st Century, Ed. by L. Mansingh et al. - New Delhi: Konark Publishers Pvt Ltd, 1997. Vol. 1.
- [4] Income-Tax Act of the Republic of India, 1961, as amended by Finance Act of the Republic of India, pp. 6-6, www.law.incometaxindia.gov.in/DIT/Income-tax-acts.aspx.
- [5] Shurmer-Smith P. India: Globalization and Change. L.: Arnold-Routledge, 2000.
- [6] Ghosh J. Development Strategy in India: A Political Economy Perspective, Nationalism, Democracy and Development: State and Politics in India, Ed. by S. Bose, A. Jalal. New Delhi: Oxford University Press, 2011.
- [7] <http://moia.gov.in/services.aspx?mainid=6>.
- [8] <http://indiandiaspora.nic.in/DUALCITIZENSHIP.htm>.
- [9] <https://www.youtube.com/user/Indiandiplomacy>.

ЖАҢАНДЫҚ ОҢТҮСТІК АЗИЯЛЫҚ ШЕТЖҰРТ: ҚАЛЫПТАСТЫРУЫ, СЫНЫПТАМАСЫ, МАҢЫЗДЫЛЫҒЫ

Е. И. Руденко

ҚР БҒМ Р. Б. Сүлейменов атындағы Шығыстану институты, Алматы, Қазақстан

Тірек сөздер: Оңтүстік Азия, сыртқы көші-қондер, ғалами шетжұрт, «шетелдік үнділер» сыныптамасы.

Аннотация. Мақалада ғалами көші-қондер және жаһандық Оңтүстік Азиялық шетжұртты қалыптастыру заңғайыры қарастырылады. Түрлі тарихи кезеңдерде негізгі бағыттар тағы осы көші-қондер қатысушылардың саны және қызмет сипаты түрлі де болар екен; әлгі факторлар қоныс ауыстыруның дәлелді жағдайларға және субъективтік мақсаттарға байланыстырған. Үнді көшіп-қонушылар олардың көп саны тағы да тарихи отан шегінен тысқары мекендеуінің түрлі мерзімдері, мақсаттары және басқа ерекшеліктері салдарынан бірнеше санатқа бөлшектенеді. Бүтіндей айтқанда, жаһандық оңтүстік азиялық шетжұрттың өкілдері тең дәрежеде туып-өскен мен оларды қабыл етеген/ететін мемлекеттердің және қоғамдардың сыни елеулі құрамдас бөлігі деп есептеледі.

Поступила 12.01.2015г.